

**КОЛЛЕКЦИЯ РИСУНКОВ ФЕЛИКСА КИДЕРА
В СОБРАНИИ МЕТОДИЧЕСКОГО ФОНДА ХЕРСОНСКОГО
НАЦИОНАЛЬНОГО ТЕХНИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Афанасьева С.И., старший преподаватель кафедры «Дизайн»

Херсонский национальный технический университет

Аннотация. В статье описываются уникальные рисунки заслуженного художника Украины Ф. И. Кидера, хранящиеся в Херсонском национальном техническом университете. Они характеризуются как поисковый материал и как самостоятельные произведения. Представлены краткие воспоминания автора о художнике как редком человеке и виртуозном мастере.

Ключевые слова: детскость природы, эксцентрика жизни, поисковый материал, символ, разномасштабность.

Анотація. Афанасьєва С. І. Колекція рисунків Фелікса Кідера у зібранні методичного фонду Херсонського національного технічного університету. У статті описуються унікальні рисунки заслуженого художника України Ф. І. Кідера, що зберігаються в ХНТУ. Вони характеризуються як пошуковий матеріал і як самостійні добутки. Наведено короткі спогади автора про художника як рідкісну людину й віртуозного майстра.

Ключові слова: дитячість природи, эксцентрика життя, пошуковий матеріал, символ, різномасштабність.

The summary. Achanasyeva S.I. Collection of pictures of Felix Kider in collection of methodical fund of the Kherson national technical university.

In article unique pencil drawings of the outstanding artist of Ukraine F. I. Kider, kept in the Kherson national technical university are described. They are characterized as a search material and as independent products. Brief memoirs of the author on the artist as the rare person and the masterly master are presented.

Keywords: childishness of a nature, the clown of a life, a search material, a symbol, non-uniformly scale.

Постановка проблемы и её актуальность. Во все эпохи развития изобразительного искусства рисунок был способом художественного воспитания и итогом становления мастера, ибо именно в нем раскрывается творческое «Я» его создателя.

Феликсу Кидеру, великолепно понятые и усвоенные в студенческие годы традиции и методы академического рисунка помогли, в последствие, не только бережно относиться к природе, но и импровизировать с ней. Кидер уходит от простого перенесения живой формы к более обобщенному, целостному к выразительному образу, лишённому мелких деталей, предоставляя зрителю любоваться не только безукоризненно разработанной поверхностью, но и переноситься в мир непосредственно чувственных переживаний. Привлекают в творчестве художника ироничность и добрый юмор, говорящий об «открытости» чувств самого художника, его человеческом отношении к изображаемому. Весьма характерным является композиционное решение графических листов. Его персонажи не «облеплены» средой, но словно «зажаты» пространством, которое сужается до границ листа. Сюжетные

композиции больших размеров (150x210), о которых пойдёт речь, выставлялись на отчётных городских выставках, упоминались в газетных рецензиях и предисловиях к каталогам. Дать полное представление об этой стороне творчества художника поможет выставка, которая планируется к 70-летию Ф.Кидера в сентябре 2008 г.

Анализ последних исследований и публикаций. Значительной работой по изучению художественного наследия мастера является монография Н.В.Постоловой «Графика Ф.Кидера» 2006г., которая содержит в себе не только анализ одного из ведущих направлений в творчестве художника, но и раскрывает его становление, прослеживает путь от ученичества к мастерству, от замысла к воплощению. Внимательно характеризуются все техники графики, включая рисунки углём, сангиной, пастелью и в сложной авторской технике. Анализируется печатная графика мастера, как с позиций технического исполнения, так и образного решения листа. Особое внимание автор книги уделяет сериям, выполненным в технике офорта, а также книжным иллюстрациям художника. Здесь проводятся параллели с уже известными произведениями разных художников и сопоставляются с итогом поиска Кидера.

Высокий профессионализм классического толка совместно с необычной трактовкой произведений подводит читателя под известные рубрики графического искусства, где художник не разрушает плоскость, а получает её как данность, которую надо поэтически осмыслить.

Особое внимание уделено отдельной сфере печатной графики – экслибрису. Феликс Кидер хранил и развивал этот трудоёмкий способ гравирования. «Автор монографии открыла новое, заслуживающее этого имя. Знать о его творчестве необходимо так же, как и творчество художников, вошедших в число признанных» – пишет в рецензии на монографию народный художник Украины В. Г. Чуприна.

Статья выполнена по плану НИР Херсонского национального технического университета.

Результаты исследования. Феликс Кидер прожил недолгую по теперешним меркам жизнь, но годы, отпущенные ему судьбой, были насыщены таким наслаждением каждодневного творчества, такими открытиями самовыражения, что не будет преувеличением сказать – это была жизнь исключительно счастливого человека. Он жил тем, что творил.

Феликса любили все, кто с ним соприкасался. Коллеги художники за талант и самоотверженную преданность искусству, не художники за открытость и детскость натуры. Знакомством с ним дорожили, как дорожат и гордятся редкостью, да он и был уникален по творческому дарованию и человеческой сути.

Наследие художника многогранно и поражает легкостью и артистичностью художественной перенастройки: рисунки и офорты, живописные портреты и натюрморты, скульптурные работы монументальных

форм и небольшие милые сердцу шамоты. Но рисунки мастера – это особая, если не основная часть его творчества. Именно по рисункам можно проследить взросление Феликса как художника, выработку его неповторимого почерка. Именно в них заложено то особенное чувство многократного объяснения в любви натуре, высказанные средствами изобразительного языка.

В Херсонском национальном техническом университете хранятся рисунки разных лет, подаренные вдовой художника методическому фонду кафедры «Дизайн» в знак благодарности ректору Ю.Н.Бардачеву за помощь в издании альбома и поддержку в тяжелые минуты.

В этом собрании (более 200 единиц хранения) листы училищного и институтского времени, эскизы офортов и производственных работ, а также уникальные рисунки больших форматов.

В училищных рисунках, выполненных с ученическим старанием, прослеживается методика крымской школы рисунка, где большое внимание уделяется тональной проработке формы. Нюансы и контрасты тона особенно прочувствованы в иллюстрациях к литературным произведениям.

В работах институтского времени несомненно влияние харьковской школы, где акцент делается на внутреннюю конструкцию формы. Но истинное понимание рисунка приходит только после окончания учебы.

Тема обнаженного тела неисчерпаема в искусстве, у Кидера многовариантно обыгранная, как будто иллюстрирует восхищение мольеровского Липорелло: «как все дивно устроено в человеке, как все ладно двигается, поворачивается, наклоняется!».

Несомненно, Феликса интересовал стандарт совершенства, но чтобы разгадать его, он должен был вскрыть внутреннее формообразование, разобрать и вновь собрать конструкцию личности-образа. Десятки раз повторяются анатомические рисунки голеностопов, грудной клетки, стоп, кистей рук и суставов. Отрабатывается линия, упруго очерчивающая абрис пластических сочленений.

В собрании ХНТУ, безусловно, наибольший интерес представляют сюжетные композиции больших размеров, истоки которых восходят к картонам стенных росписей эпохи Возрождения. Созданные в 70–80 годы, такие рисунки в 90-е годы встречаются все реже. Художник все более отдаляется от классичности и сюжетности, стремясь к другим вершинам. Но именно в 70-е годы сформировался индивидуальный почерк Кидера, его неповторимая линейная манера, ставшая визитной карточкой мастера.

Феликс в последние годы и в шутку, и всерьез сожалел о том, что монументальная живопись в ее классическом варианте никому не нужна и, вряд ли, все убыстряющийся темп жизни нуждается в делании масштабных произведений как по размерам, так и по сути. Настоящий художник осуществляет свои творческие планы наполовину, а то и на треть, и Феликс умел мириться с обстоятельствами, увлечься противоположностями. От

больших рисунков перешел к офортам, от них к экслибрисам, где во всем соблюдена та мера условности, которая присуща только данному виду графики.

Талант чувствует сам себя, прислушивается к самому себе и через себя выражает тот мир, который по-другому ощущает. О жизни вне творчества Феликс почти не говорил, или не знал, как говорить. Диалоги с ним это особое свойство разговоров о закономерностях искусства и парадоксах истории, о творческих опытах удачных и не очень, о талантах и гениях. Феликс отворялся для собеседника, впуская его в тот мир, из которого были вычеркнуты все мелкие житейские передраги. Но эксцентрика мелочей жизни, жизненная событийность, их характерная мимолетность впечатывалась в память и, преобразованная в художественный образ, становилась темой его уникальных работ.

Все наблюдалось, но никогда не обсуждалось. Феликс некогда не рассказывал о задуманном, но всегда охотно об уже претворенном. Никогда не показывал процесса – только сам результат, которому радовался, как ребенок. И эта радость итога невольно передавалась собеседникам. Неохотно отвечал на вопросы о своих студенческих годах: было трудно, и лишь на третьем курсе что-то стало получаться. О своей службе на флоте с сожалением: там почти не было времени для рисования. О поездках в Израиль и Канаду: что не мог бы там работать. Все чужое и люди и природа. В поездках скучал по своей крохотной мастерской, где каждая вещь, кроме своего прямого назначения, имела еще и знаковую ценность. Даже небольшое зеркало в углу мастерской было для Феликса определителем человеческой природы: кто и как в него смотрится и по сколько раз. Работы на стене на уровне глаз, то теперешнее, к которому следует возвратиться, знак того, что тема не исчерпана. Ближе к окну – первые пробы в шамоте и небольшие натюрморты. Работы на стеллажах – «наследие» – так называл он их с мягкой иронией. И, наконец, рисунки и композиции огромного размера, свернутые в рулоны и хранящиеся в подсобке. То, что когда-то было сокровенным, а потом безбожно пылилось в углу, знак того, что оторвалось и улетело, оказавшись поиском так до конца и не притворенных грандиозностей.

Александр Бенуа в одном из своих «парижских писем» высказался в том духе, что Микеланджело рисовал в некие минуты просветления и зримо являющиеся ему образы запечатлевал с «магической уверенностью». Вероятно, и сам Микеланджело считал их не просто «штудиями», хотя по внешним качествам они всего лишь подготовительные наброски. Рассматривая студии и сюжетные картоны Кидера, изумляешься тому, как этот поисковый материал обнаруживает способность скрещивать разные художественные языки от Боттичелли до Модильяни. Созданные твердой рукой мастера без правок и изменений, с невероятной точностью «попадая» в заданный формат. Когда теперь оказываешься лицом к лицу с этим театром пластических ситуаций, привычное сдвигается с места и обыденность приобретает убедительность символа, с которым художник беседует со временем.

Ил. 1. Кудер Ф. «В Бане»

В многолюдно-заселенной композиции «В бане» (ил. 1) нет никакой суеты и типично жанровой характерности. В ней господствует мерный и торжественный ритм линий и форм, придающий изобразительному ряду образ «действия». Словно разыгрывается некий ритуал, свидетельствующий о жизни исполненной внутренней красоты и полновесности.

Его обнаженные «Амазонки» (ил. 2) задорны и жизнерадостны на фоне пластического совершенства красавцев коней. Изгибы тел коней и людей обладают какой-то странной похожестью, заставляющей задуматься о единстве природных форм и сил.

В строго центричной композиции «Овидий периода скорбных элегий» (ил. 3) тот же поиск ритмической гармонии усложняется психологическим раскрытием образа. Римский поэт преподносится как растерянный слепок иной цивилизации на фоне пронсящих мимо мощных лошадей с лукавыми всадниками. Наверное, в творчестве художника это - единственный образ мучительного одиночества. Здесь самовольного отторжения другой культурной позиции, превращающей жизнь в трагедию.

В произведениях Кидера человек всегда связан с миром людей или физически – контактно, или духовно незримыми узами. Мир людей у художника всегда позитивен. Исключение составляет, пожалуй, серия «Вьетнам», созданная в 70-е годы.

Ил. 2. Кидер Ф. “Амазонки”

Ил. 3. Кидер Ф. “Овидий периода скорбных элегий”

В этой серии его «Агрессоры» диспропорциональны, что у Феликса сопоставимо со злом или потенцией зла. Их лица отвернуты от зрителя, и пластически невняты (у палачей и убийц нет лица). Скрупулёзно изображена экипировка, вплоть до пуговиц и шнурков на тяжелых ботинках. Феликс лишает военных какого либо действия, только констатация: перед нами две непримиримые силы – завоеватели и побежденные.

В листе «Агрессор и жертва» (ил. 4) изнуренная, обвязанная, как кокон, и прикрученная к столбу женщина, сжимает кулаки перед своим мучителем.

Кошмар рассыпающегося культурного времени, разрушенного войной в композиции «Агрессор и дети» особенно явственен. Разномасштабность хрупких детских фигурок и похожего на ящера военного внушает тревожное чувство хрупкости и незащищенности человеческой жизни перед неумолимой силой военного диктата.

Тема победителя, но уже с другой нравственной позиции передана в работе «Юдифь с головой Олоферна» (ил. 5). Его героиня сострадает к врагу, утверждая моральное право быть снисходительной к поверженному. Изображение занимает всю

плоскость листа без каких-либо пространственных «дыр». Эта особенность композиционной структуры многих кидеровских произведений приближает героев к зрителю, заставляет включить зрительную моторику, что в конечном итоге помогает сопережить творческий процесс, быть причастным к действию.

В трогательно-романтическом листе «У моря. Ожидание» (ил. 6) персонажи: моряк в лихо сдвинутой бескозырке, сидящий у него на коленях мальчуган и лохматая собачонка, повернуты спиной к зрителю, выразительны и очень типичны. Художник объединяет изображение и зрительское пространство летящими из глубины чайками.

Кто-то из мудрых сказал: «Человек способный взять боль и красоту мира на себя: и есть истинный творец». Это определение применимо к Феликсу Кидеру

*Ил. 4. Кидер Ф.
«Агрессор и жертва»*

Ил. 5. Кидер Ф. “Юдифь с головой Олоферна”

Ил. 6. Кидер Ф. “У моря. Ожидание”

абсолютно. Чтобы создать произведение такого уровня как «Охота на львов», «Аврал», серию «Гражданская война», «Моряки», надо было испытывать постоянный нервный накал, чувствовать избыток сил и страстность в утверждении права преувеличивать, преуменьшать, деформировать. В этих огромных картонах удивительно решено пространство. Впечатление вращения возникает от изгибов линий, составляющих основу

Ил. 7. Кидер Ф. «Автопортрет»

композиции. Они переплетаются и, расходясь, рожают ощущение покачивания пространства вокруг центральной оси. Чаще всего движение возникает от центральной зоны, которая заставляет выступать среднюю часть картона. При этом необычайное расширение второго плана препятствует ощущению равномерного углубления пространства и, напротив, создает эффект его вздыбленности, запрокиданности на зрителя. Основное пространство круглится, создавая впечатление длительного движения.

В творческих исканиях Феликса можно проследить, как изображение постепенно уходит от бытовых и откровенно современных признаков, стремясь утвердить наиболее типические качества. В листах серии «Моряки» единый ритмический прием «дуга», мерно повторяющаяся в абрисах фигур, предметов морской жизни, очертаниях пространства. Сюжетный мотив – сила человеческого коллектива, способного все делать согласованно, быстро, слаженно.

В «Автопортрете» (ил. 7) художника индивидуальные черты приобретают некую иконность, и портретность отступает перед идеей жизни души. Таким Феликс Кидер и остался в памяти людей знающих его, с глазами тревожно и напряженно смотрящими на этот мир, который он так трепетно любил и который сотворил со всей полнотой творческой интуиции.

Вывод. Творчество Феликса Кидера – яркая страница в истории изобразительной культуры Украины. Его творческое наследие чрезвычайно разнообразно и ждёт серьезных исследований по каждому виду изобразительного искусства, в которых он работал. Его произведения открывают нам своеобразную картину мира, наполненного философией позитивизма и открывающую нам красоту с позиций человека, осознающего свою роль творца.

Литература:

1. Постолова А. В. Графика Кидера. – Херсон: Просвіта, 2006.
2. Фелікс Кідер. Графіка, живопис, скульптура. – Херсон: Наддніпряночка, 2003.
3. Чуприна В.Г Висхідна Фелікса Кідера //Образотворче мистецтво. – 2003, №4.
4. Бердичевский Я.И. Народ книги. – Берлин: Алеф, 2005.
5. Кноб А. 10 ответов о главном. Шамрей Шабос, 2002.
6. Феликс Кидер. Каталог (автор вступительной статьи Л. И. Корсакова, составитель Л. М. Вольштейн). – Херсон: Надднепрянская правда, 1989.

Надійшла до редакції 14.04.2008